

ТЕМА АНТИМИЛИТАРИЗМА НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ «СВОБОДНОГО СЛОВА» (1898-1905)

© 2004 С.Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Совсем недавно человечество шагнуло в новое столетие. Казалось бы, жестокий XX век ушел в историю, но многие социальные трагедии остаются с нами. Одна из самых страшных трагедий — война. События в Чечне, Ираке показывают, что и сегодня человечество, к сожалению, рассматривает войну как способ решения многих проблем. В этой связи представляется актуальным обращение к опыту разработки темы антимилитаризма в периодических изданиях “Свободного слова”, издававшихся последователями Л. Н. Толстого за границей. Периодический сборник “Свободное слово” (1898–1899), журналы “Листки Свободного слова” (1898-1902), “Свободное слово” (1901-1905) выходили в Лондоне, журнал “Свободная мысль” (1899-1901) издавался в Париже.

Издания “Свободного слова” придерживались единой программы, в основе которой лежало отрицание внутренней и внешней политики самодержавия и официальной церкви как жесткой формы, преследующей всякое инакомыслие; отказ от насильственных средств борьбы; реализация толстовских идей о гармоничном развитии мира; активная защита свободы совести и свободы печати. Целью периодического сборника и журналов объявлялось стремление быть “органом правдивого отражения и описания русской по преимуществу, но также и всемирной жизни, органом освещения этой действительности в духе “Разума и Любви” [11, 5].

Отрицанию войны как наиболее яркого проявления насилия отводилось одно из ведущих мест на страницах “Свободного слова”. Антимилитаристская тема на рубеже XIX–XX веков приобрела актуальное звучание, поскольку мировое сообщество, в том числе и Россия, пережило в те годы несколько крупных военных столкновений: испано-американскую, англо-бурскую, русско-японскую войны. Авторы “Свободного слова” писали обо все возрастающей угрозе человекоубийства. В статье “Carthago delenda est” (что в

переводе с латинского означает “Карфаген должен быть разрушен”), которая впервые была опубликована в первом номере сборника “Свободное слово”, Л. Н. Толстой с тревогой отмечал, что “во всех конституционных государствах Европы <...> умышленно усложняются все больше и больше международные отношения, должныствующие привести к войне, разграбляются без всякого повода мирные страны, каждый год где-нибудь грабят и убивают и все живут под постоянным страхом всеобщего взаимного грабежа и убийства” [11, 8].

Война представлялась Толстому и его последователям как величайшее преступление, как организованное убийство. Авторам важно было внушить читателям мысль о неестественности самого факта подготовки к убийству, к войне. На страницах “Свободного слова” Толстой размышляет об истинном назначении войск в современных ему государствах. В статье “Не убий” он отмечает, что “войско есть оружие и собиранье и управление войском — то самое чем с такой уверенностью занимаются короли, императоры, президенты — есть приготовление к убийству” [7, 7-8]. В “Письме к фельдфебелю” он утверждает: “войска <...> нужны правительствам только для властвования над своим рабочим народом <...>. Защита от внешних врагов — только отговорка. Французское правительство пугает свой народ немцами, русское правительство пугает свой — французами и немцами, и так все правительства; а ни немцы, ни русские, ни французы не только не желают воевать с соседями и другими народами, а, живя с ними в мире, пуще всего на свете бояться войны” [2, 2].

Авторы “Свободного слова” считают, что правительства внушают своим народам необходимость войны с помощью целой системы обманов, главными в которой выступают обманы религиозный и патриотический. Они вскрывают сущность психоза, когда с детства людям внуша-

ется, что можно убивать людей по приказанию начальства, и это не является грехом.

Разоблачая патриотический обман, авторы “Свободного слова” уточняют понятие “отечество”, поскольку лозунг “Отечество в опасности!” служит удобной ширмой для оправдания военных действий. П. Бирюков, комментируя отказ швейцарского адвоката Нэна от воинской повинности, подчеркивает, что отечество в общепринятом смысле — “это химера, пустое слово, которым пользуются политические деятели для возбуждения масс и для оправдания легального убийства. “Отечество” это ужасный молох, кровавый идол, но уже отживший, которому время пасты!” [13, 4]. Следует подчеркнуть, что “Свободное слово” не только разводит понятия “государство” и “отечество”, но и уточняет значение последнего.

По мнению анонимного автора передовой статьи “За честь и славу Отечества!”, “отечество заключается не в знаменах, не во флагах над царскими дворцами, не в царских портретах. Отечество наше это мы сами, народы его населяющие, поля, этими народами распаханые, дома, ими построенные, любовь и мудрость, ими проявленные” [18, 2].

В другой статье — “Отечество (с французского)”¹ утверждается, что “отечество наше это вся земля, все человечество. И это истинное отечество требует от нас, чтобы мы жили в мире, улучшая свою жизнь, любя и жалея друг друга” [13, 25].

Теме патриотизма, традиционной теме русской публицистики, начиная с “Беседы о том, что есть сын Отечества” А. Н. Радищева и “Философических писем” П. Я. Чаадаева, на страницах “Свободного слова” уделяется много внимания. Характерно, что издания различают патриотизм истинный и псевдопатриотизм. Подобная позиция и у многих мыслителей рубежа веков: Вл. Соловьева, П. Милюкова. “Настоящая любовь к отечеству, — по мнению авторов “Свободного слова”, — должна выражаться в том, чтобы каждый, по мере своих сил, служил поддержкой для своих ближних, для общества и заботился об улучшении условий существования окружающих его людей.

Только те имеют право говорить о любви к своему отечеству, которые доказывают эту любовь своим производительным трудом” [13, 24]. Это положение перекликается с мыслью В. Со-

ловьева, высказанной им в статье “Народная беда и общественная помощь”: “Теперь настала пора возратить патриотизму его истинный положительный смысл, — понять его не как ненависть к инородцам и иноверцам, а как деятельную любовь к своему страдающему народу” [24, 383].

Истинный патриотизм, “любовь к отечеству не имеет ничего общего ни с церковью, ни с ложью, и не способствует порабощению людей”, — утверждает автор “Свободного слова”. — Потому-то наши правители, наши благонамеренные господа и не признают такого патриотизма”. Им нужен другой патриотизм — ложный, “нужна другая любовь, похожая на церковное учение, угнетающая свободную мысль, как всякое церковное учение. Им нужна любовь слепая, преданность рабская, потому что только при ее помощи можно полновластно управлять людьми” [13, 24]. Такой патриотизм В. Соловьев называл “зоологическим”.

Важно подчеркнуть, что, демонстрируя уважение к позиции Л. Н. Толстого, журналисты “Свободного слова” публикуют материалы писателя, в которых дается отличная от их собственной точка зрения на патриотизм. Толстой не делит его на истинный и ложный. Нравственный максимализм писателя, являвшийся для него способом постижения и выражения истины, наиболее сильно проявляется в статье “Патриотизм и правительство”, опубликованной в шестнадцатом номере “Листков Свободного слова”. Основная идея этой статьи, впрочем, как и ранее написанных статей “Христианство и патриотизм” (1893-1894), “Патриотизм или мир?” (1896) — безнравственность всякого патриотизма. Военные союзы рубежа веков, предвещавшие мировую войну, многочисленные войны между народами — на Балканах, в Африке, в Америке — изменили взгляды Толстого на патриотизм, дали основание писателю усомниться в благотворности любой приверженности к собственному отечеству, которая воспринималась им во время написания “Войны и мира” как естественное чувство². Он пришел к выводу, что “патриотизм <...> чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество <...>, чувство грубое <...>, стыдное и дурное, а главное — безнравственное” [6, 1].

Он сумел разглядеть “зловредность и неразумие патриотизма” [6, 4], который, в его пред-

¹ Вряд ли это перевод с французского, скорее всего — суждения редакции о политической ситуации в России, программные заявления, высказанные в завуалированной форме.

² Изменение во взглядах Толстого на патриотизм прослеживается не только в публицистике, но и в дневниковых записях, и в переписке писателя рубежа веков.

ставлении, есть не что иное, как “очень определенное чувство предпочтения своего народа или государства всем другим народам и потому желание этому народу или государству наибольшего благосостояния и могущества, которые могут быть приобретены и всегда приобретаются только в ущерб благосостоянию и могуществу других народов или государств” [6, 3]. Таким образом, определение патриотизма у Толстого смыкается с определением национализма. Например, В. Соловьев называл национализмом “стремление отдельного народа к утверждению себя за счет других народностей, к господству над ними” [24, 518].

Подобно Толстому смотрел на патриотизм и В. Г. Короленко, который в черновике неоконченной рукописи 1903 года писал: “Многое в патриотизме теперь уже начинает умирать на наших глазах <...> это — национальная исключительность и национальные эгоизмы. <...> Так называемый “национализм”, шовинизм или наш русский квасной патриотизм — это продукт его разложения. Он исключителен, неумерен, несправедлив и ретрограден” [9, 775]. Однако, в отличие от Толстого, Короленко видел на дереве патриотизма и живые ветви: “любовь к своему отечеству; своему языку и своей родине” [9, 475].

Л. Н. Толстой считал, что “все народы так называемого христианского мира доведены патриотизмом до такого озверения, что не только те люди, которые поставлены в необходимость убивать или быть убитыми, желают или радуются убийству, но и люди, спокойно живущие в своих никем не угрожаемых домах в Европе, благодаря быстрым и легким сообщениям в прессе, все люди Европы и Америки — при всякой войне — находятся в положении зрителей в римском цирке и так же, как и там, радуются убийству и так же кровавадно кричат “Pollice verso!” [6, 10].

Утверждая в предыдущих статьях, что патриотизм служит правителям орудием для достижения их властолюбивых целей, а для управляемых — это отречение человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти, что “патриотизм есть рабство” [26, 65], Толстой в статье 1900 года обращался к читателям: “Опомнитесь и поймите, что враги ваши не буры, не англичане, не французы, не чехи, не финляндцы, не русские, а враги ваши, одни вра-

ги — вы сами, поддерживающие своим патриотизмом угнетающие вас и делающие ваши несчастья правительства” [6, 24]³.

Испано-американская война нашла отражение в статье Л. Н. Толстого “Две войны” как “старая, тщеславная, глупая и жестокая, несвоевременная, отсталая, языческая война <...> которая убийством одних людей решала вопрос о том, как и кем должны управляться другие люди” [1, 2].

Л. Н. Толстой низводит схватку между САСШ и Испанией до уровня поножовщины, до уровня хулиганской драки — всегда бессмысленной и жестокой: “Выживший из ума старик, воспитанный в преданиях ложной чести, вызывает для разрешения возникшего между ним и молодым человеком недоразумения на кулачный бой этого молодого, находящегося в полном обладании своих сил человека; и молодой человек по своему прошедшему, и потому, что он не раз сам высказывал, долженствующий стоять неизмеримо выше такого решения вопроса, принимает вызов с зажатым кастетом в кулаке, набрасывается на выжившего из ума и сил старика, выбивает ему зубы, ломает ребра и потом с восторгом рассказывает свои подвиги огромной публике таких же молодых людей, которая радуется и хвалит героя, изувечившего старика” [1, 2-3].

Толстого ужасало еще и то, что военные преступления совершались Америкой, считающейся самой передовой и демократической страной, “которая справедливо гордилась своей разумностью и свободой от кровавадных инстинктов европейских народов” [25, 250].

Последовательную антимилитаристскую позицию “Свободное слово” заняло и по отношению к начавшейся в 1899 году англо-бурской войне. В то время, когда в России царили всеобщее осуждение англичан как агрессоров и сочувствие бурам, борющимся за независимость, издания “Свободного слова” предлагали по-другому взглянуть на события в Трансваале. Вопреки общепринятому взгляду, они не делили войны на “справедливые” и “несправедливые”. Война, по мнению “Свободного слова”, всегда несправедлива, жестока и безнравственна, потому что “ни “свободу”, ни “справедливость” нельзя защитить — ни кровью, ни трупами” [10, 2].

Прямым откликом на события англо-бурской войны явилось обширное письмо

³ Интересна судьба статей Толстого о патриотизме. Они не только были запрещены цензурой, но даже распространение их вызывало не раз судебные преследования. При жизни Толстого они публиковались только за рубежом, в России же они были изданы лишь вскоре после 1917 года в виде отдельных брошюр. Позже они переиздавались всего один раз в академическом Полном собрании сочинений (интересно, что статьи 1896 и 1900 годов попали вопреки хронологии в дополнительный, 90-й том собрания). Ни в какие другие издания эти статьи не включали.

Л. Н. Толстого к внуку декабриста Волконского — Г. М. Волконскому, опубликованное в “Листках Свободного слова” без указания адресата под заголовком “По поводу трансваальской войны”⁴. Писатель не согласен с Г. М. Волконским в том, что в возникновении англо-бурской войны виноваты английская королева и министр по делам колоний Чемберлен. Он предлагает смотреть на вещи шире. По его мнению, “такое страшное, жестокое и бесчеловечное явление как война” происходит по трем причинам. Первая — “неравное распределение имуществ, то есть ограбление одними людьми других”, вторая — “существование военного сословия, то есть людей, воспитанных и предназначенных для убийства”, третья — “ложное, большею частью сознательно обманное религиозное учение, в котором насильственно воспитываются молодые поколения” [5, 11].

Издания “Свободного слова” боролись с войной, убеждая аудиторию в том, что нельзя принимать участие в организованных убийствах. Л. Н. Толстой в статье “Где выход?” утверждал, что “поступление в военную службу есть отречение от всякой религии, какую бы он (человек. — С. Г.) ни исповедовал (всякая религия запрещает убийство), отречение от человеческого достоинства, есть добровольное поступление в рабство, имеющее целью убийство” [8, 13].

В статьях “Офицерская памятка” и “Солдатская памятка”, вышедших в 1901 году отдельными брошюрами в издательстве “Свободное слово”, Толстой обращался к солдатам и офицерам, считая своей задачей пробуждение в каждом человеке понимание того, что и от него зависит, быть или не быть войне.

Под этим углом зрения в изданиях “Свободного слова” рассматривали военные союзы государств, мирные конференции. В письме о франко-русском союзе, опубликованном в первом номере журнала “Свободное слово”, Толстой утверждал, что подобный союз “не может иметь другой цели, кроме войны или угрозы войны, направленной против других народов” [12, 4]. По его мнению, это военный альянс, готовый выполнять жандармскую роль. Лев Николаевич подчеркивает, что всякий союз противостоит чему-то, и его создание ведет не к объединению народов, а к их разъединению, к подозрительности в их отношениях.

В центре внимания одного из номеров “Листков Свободного слова” — Гаагский конгресс,

созванный по инициативе русского царя. Редакция журнала опубликовала “Письмо Л. Н. Толстого к шведам”, которое было отправлено писателем в Стокгольм в январе 1899 года за несколько месяцев до начала Гаагской мирной конференции. Толстой, уже ранее анализировавший материалы первых международных конгрессов мира, пытающихся отвлечь внимание народов от военных приготовлений (в частности, в трактате “Царство Божие внутри вас”), разоблачал пустоту, праздность и лицемерие конференции, имевшей “целью не достижение мира, но, напротив, скрывание от людей того единственного средства достижения всеобщего мира, которое уже начинают видеть передовые люди” [3, 1].

Другие авторы “Листков” — Дж. Кенворти и Е. Пикард — критиковали ложных защитников мира, в частности журнал “War against war”, выпускавшийся в Англии перед Гаагским конгрессом. Издатель журнала Стэд утверждал, что “война сама по себе имеет право на существование”, что он только против “излишества войны” [3, 22]. Кенворти подчеркивает: “те, кто подобно Стэду и единомышленному ему агитаторам, исповедует, что война в некоторых случаях может быть делом правильным и необходимым <...> являются защитниками, охранителями и опорой войны, и появление их “в роли крестоносцев за дело мира — это чистейшее филлярство” [3, 22].

Авторы “Свободного слова” прозорливо угадали истинный характер мирной конференции в Гааге. Ее делегаты долго и красноречиво обсуждали вопрос о правилах ведения войны и единодушно отклонили рассмотрение вопроса о сокращении вооружений.

Антимилитаристские выступления “Свободного слова” звали аудиторию к практическим действиям. Пропагандируя толстовский принцип неучастия во зле, авторы уделяли большое внимание отказам людей от военной службы. Об этом рассказывали материалы как информационных, так и аналитических жанров под постоянной рубрикой “Отказы от военной службы”. Журналы не только сообщали факты, называли фамилии людей, отказавшихся взять в руки оружие, но и пытались раскрыть причины не совсем обычного, с общепринятой точки зрения, поступка, показать процесс внутренней, духовной работы человека. В этой связи представляла интерес статья П. И. Бирюкова “Ян Тервей в Голландии”, которая рассказывала о судьбе военнослужащего, в результате размышлений пришедшего к выводу, что “быть солдатом — противно правде и любви” [18, 4]. Автор цитировал письмо Яна Тервея к другу, в котором тот утверждал: “Я больше не могу быть рабом обстоятельств, которые де-

⁴ Под заголовком “Кто виноват? (По поводу трансваальской войны)” это письмо было напечатано в журнале “Свободная мысль” (1900. - № 1. - С. 2-3).

лают из человека нечто худшее, чем животное” [18, 4]. И далее: “Один маленький человек сопротивляется закону, поддерживаемому военной силой и полицией” [18, 6]. Тервей бросил вызов обществу: “Вы все, власти военные и гражданские, министры, короли, проповедники, со всем вашим могуществом, пушками, динамитами, палачами и тюрьмами — вы не можете заставить одного человека, в котором действует сила Божия, совершить поступок, который он считает дурным, например, надеть военную форму” [18, 5].

П. И. Бирюков сообщал, что отказ от военной службы Я. Тервея получил большой общественный резонанс в Голландии: был создан комитет для ведения агитации в пользу юноши с целью подействовать на правительство и добиться от него признания свободы совести, выпускались брошюры, проводились собрания, в периодических изданиях появились многочисленные статьи о поступке Тервея, как сочувственные, так и осуждающие.

Еще одной попыткой проникнуть во внутренний мир человека, отказывающегося по религиозным убеждениям брать в руки оружие и убивать людей, можно считать материал “Отказ от военной службы Ф. Букова”. Он составлен из 4-х писем — три из них анонимные, по всей видимости, принадлежали перу человека из окружения Толстого и адресованы были Льву Николаевичу, четвертое — письмо самого Ф. Букова к друзьям. Читатели получили возможность почувствовать суть происходящего, высказанную с двух точек зрения. Прежде всего — самого Федора Ивановича Букова — крестьянина деревни Петровка Пензенской губернии, который твердо решил: “не пойду на войну, не могу убивать людей, лучше <...> пускай меня убьют, а я никого не буду убивать” [21, 7-8]. У его родственников — матери, брата и дяди — иной взгляд на происходящее: они крайне огорчены решением Федора не идти на военную службу, они не понимают его и пытаются всячески “образумить”. Мать упрощает Федора: “Сынок <...> да разве война разбой, что ты говоришь, Христос с тобою, очнись, ведь это служба царская, защита престола, отечества и церкви Христовой. Все идут, подчиняются воле царской и никто ничего не говорит” [21, 7]. Военное начальство отнеслось к заявлению Букова крайне подозрительно, сразу же послало его к врачу на освидетельствование умственных способностей, затем предало военно-полевому суду. Несмотря на то, что суд приговорил к аресту на 10 суток, на следующий день Федора вместе с полком отправили на Дальний Восток. И тут же журнал приводит мнение человека, сочувствующего убеждениям Букова. Приветствуя отказ Федора от военной службы, он беспокоит-

ся: “Дай-то Бог сил ему устоять на пути к истине твердо, до конца, чтобы, защищая душу свою от дьявольского искушения, он мог устоять от падения в столь трудное для него время испытаний” [21, 7].

Особую актуальность вопросы войны и мира приобрели в журнале “Свободное слово” в связи с событиями русско-японской войны. В условиях, когда были затронуты геополитические интересы России, когда общество находилось в патриотическом, шовинистическом угаре, авторы “Свободного слова” не изменяют своим принципам последовательной демонстрации антимилитаристской позиции. Характерно, что журналисты предчувствовали конфликт, назревавший между Россией и Японией.

Анонимный автор корреспонденции “На Дальнем Востоке” скептически относился к тем силам в России и в Японии, которые хотят развязать “братоубийственную бойню” [14, 4], подчеркивая захватнический характер позиции России. В ее стремлении он увидел частные интересы людей, защищающих свое право на хищнический промысел на Дальнем Востоке. Журналисты предвидели, что “общественное мнение будет отвлечено войной, и на действительные, серьезные нужды русского народа, на его нищету, невежество, унижение перестанут на долгое время обращать внимание” [14, 5]. Авторам важно показать бессмысленность русско-японской войны, ее ненужность.

С начала военных действий журнал “Свободное слово” реагировал на все, что происходило между Россией и Японией. В корреспонденции “Случай с Балтийской эскадрой” В. Чертков рассказывал об одной из худших традиций русской армии — убийстве невинных. Он пишет о том, как русские военные корабли расстреляли английские рыбацкие суда, приняв их за японские, и не оказали помощь утопающим англичанам. Чертков опубликовал в журнале и свое письмо, которое уже было напечатано в газете “Times”. Он подчеркивал несправедливость войны, осуждал военщину. Его волновала прежде всего нравственная сторона происшедшего, он считал, что моральный позор распространяется на всю Россию. Убийством невинных российская армия занималась и в XX веке — достаточно вспомнить нападение на финнов в 1939 году, сбитый южнокорейский самолет (1983 г.).

Анонимный автор корреспонденции “По поводу войны” считает, что в начавшейся “бессмысленной, жестокой, беспощадной” войне виновато не только какое-то мифическое правительство, а все — у каждого своя доля ответственности. Он выстраивает пирамиду виновных, причем — снизу, в отличие от леволибералов, не ис-

ключая из числа виновников простой народ: “Виноват невежественный, обманутый солдат, который поверил, что его священный долг состоит в том, чтобы повинаясь приказу взять ружье и начать убивать своих братьев. Виноват невежественный священник, с детства приученный к тому, чтобы проповедовать покорность властям, уверяя, что то, чего требуют власти, есть требование самого Бога. Виноваты учителя, обучавшие видеть в государстве святыню, а в человеке не брата, а волка. Виноваты офицеры и генералы, невежественные и образованные, трезвые и пьяные, глупые и умные, обучавшие убийству, приучавшие к ненависти и ждавшие от правительства денег и почестей. Виноваты газетчики, хвалившие войну, как бодрящее средство, и уверявшие своих читателей, что они первый народ в мире, а все остальные и в подметки им не годятся. Виноваты дипломатические чиновники, из своих расчетов и соображений забывшие об истинных нуждах народа. Виноваты кучка придворных министров, которые, увлекаясь погоней за деньгами и отличиями, ничего не сделали для предотвращения этого ужасного несчастья. Виноват наконец и невежественный, обманутый царь, игрушка в руках своих приближенных, цепляющийся за свое призрачное самодержавие, видящий своих врагов в тех людях, которые пытались говорить правду в земских собраниях, на съездах, в печати и т. п.” [16, 6].

Позиция “Свободного слова” по отношению к начавшейся войне наиболее четко выражалась в коротком сообщении “Л. Н. Толстой о японской войне”, в котором был приведен ответ писателя на вопрос корреспондента американской газеты “North American Newspaper”, на чьей стороне он в этой войне. Толстой писал: “Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительствами воевать против совести, религии и собственного благосостояния” [16, 7]⁵.

Выступая с позиции гуманизма, “Свободное слово” призывало даже в условиях начавшейся

войны “бороться против того чувства злобы, которое она /война. — С. Г./ сеет в человеческих сердцах. Борьтесь посевами добра и разума, которые в конце концов, рано или поздно, но непременно должны восторжествовать” [16, 7].

В разгар войны, когда в обществе усилились антияпонские настроения, “Свободное слово” сделало мужественные шаги: опубликовало материалы, объективно рассказывающие о Японии, переписку Толстого с японскими социалистами. Один из редакторов японского журнала “Простой народ” Исо-Абэ писал Толстому: “Мы — социалисты и вместе с тем — противники войны” [22, 3]. Расходясь с японскими социалистами по многим принципиальным вопросам, авторы “Свободного слова” не видели в них военных противников, врагов. В. Г. Чертков в статье “Японские социалисты и насилие” подчеркивал, что японцы — “разумные человеческие существа, сохранившие свойственное таким существам нравственное сознание и потому непреклонно убежденные, что зло не может быть добрым” [22, 6].

Патриотическому угару, в который впало общество после выстрелов, раздавшихся на Дальнем Востоке, когда “почти отовсюду посылались патриотические телеграммы к подножию престола и с голодного русского крестьянства сдирались сотни тысяч рублей на постройку военных кораблей и на Красный крест” [17, 2], “Свободное слово” противопоставляет действия людей, решивших не принимать участие в русско-японской войне.

В этой связи заслуживает внимание “Заявление Мартынова”, доктора, отказавшегося по принципиальным мотивам принимать участие в военных действиях на Дальнем Востоке. С. В. Мартынов предстает человеком с четкой гражданской позицией, который судит о ситуации с позиции здравого смысла. В своем заявлении он писал: “Всякого рода деятельность, клонящуюся к расширению территории или к сохранению ненужных для России областей, я считаю несоответствующей жизненным интересам страны, и никакого участия в ней принять не нахожу возможным. Полагал бы, что ни международным положением государства, ни потребностью обеспечить свои границы, ни интересами торговли не может быть оправдана русско-японская война. Склонен думать, что и национальное самолюбие не препятствовало бы прекратить разорительную для России войну, очистить оккупированную территорию и, продав портовые и железнодорожные сооружения, направить материальные и духовные силы на свои собственные внутренние интересы” [17, 3].

Редакция, сочувственно комментируя это заявление, считает, что поступок доктора Мар-

⁵ Здесь и в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого ответ Льва Николаевича был опубликован по копировальной книге (№6, л. 63), текст которой был написан рукой Г. М. Беркенгейма, личного врача семьи Толстых. Как явствует из подлинника письма Л. Н. Толстого, хранящегося в ОПИ ГИМ по истории науки и культуры России XVIII–XX вв., Лев Николаевич был “ни за русское, ни за японское правительства...” См.: Письмо Л. Н. Толстого в редакцию американской газеты “North American Newspaper” // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). – М., 1992. – Вып. II, III. – С. 246–248.

тынова является “светлым проблеском среди окружающей тьмы” [17, 3].

Несомненный интерес представляет заметка “Приговор сельского общества о войне”, свидетельствующая о росте народного самосознания. В ней сообщалось, что вскоре после начала русско-японской войны Госсовет в Петербурге получил бумагу, представляющую собой сельский приговор, в котором крестьяне Можайского уезда Московской губернии заявляли: “Манчжурия нам не нужна и войны с Японией мы не желаем” [20, 28].

“Свободное слово” показывало не только бессмысленность русско-японской войны, но и то, что война эта была безобразно организована. В отличие от подцензурных изданий, материалы которых были переполнены хвалебными отзывами о русской армии, о воинской доблести солдат и матросов, журнал В. Г. Черткова, опираясь на свидетельства очевидцев, рисовал истинное положение дел. Автор корреспонденции “Изнанка войны” показывал, что в русской армии нет патриотического воодушевления, характерным явлением стали побеги военнотружеников, которых готовили к муштре; солдаты часто возмущаются по поводу нехватки пищи, плохого обмундирования. Автор приходит к выводу, что русско-японская война еще раз доказывает несостоятельность российского самодержавия решить назревшие социально-экономические проблемы. “Нелепый государственный порядок нашего отечества, как в тисках давящий всякое проявление свободной мысли человека, в то же самое время бьет и себя и подготавливает свою гибель” [19, 3-4], — пишет журналист.

Не совсем обычен взгляд “Свободного слова” на героизм, на воинские подвиги. Сегодня, когда Россия отмечает 100-летие подвига матросов “Варяга”, мнение публицистов толстовского издания представляет особый интерес для исследователей. В то время, когда на Дальнем Востоке шли активные военные действия, авторы журнала сомневались в разумности подвигов, предлагали читателям задуматься, “что вносят они в человеческое сознание: добро или зло” [18, 1]. В передовой статье одиннадцатого номера журнала “Свободное слово” “За честь и славу отечества” анонимный автор утверждал: “Разумные в обыкновенное время люди, потеряли теперь всякую способность рассуждать только потому, что в их мозги втиснуто нелепое, изуродованное понятие об отечестве, ради чести которого надо погибать или губить других” [18, 1].

Для “Свободного слова” героизм — это приношение тысяч человеческих жизней в жертву безобразному идолу, которым является “честь отечества”. С этой точки зрения авторы анали-

зировали действия экипажей “Варяга” и “Корейца”, которые в ответ на предложение сдаться вступили в бой с сильнейшим неприятелем и взорвали себя на воздух; командира миноносца “Страшный”, не пытавшегося спастись и с криком “ура!” ушедшего ко дну вместе с судном. Легальная пресса воспевала их подвиги, призывала следовать их примеру. По мнению “Свободного слова”, моряки должны были “сохранить себя для своих семей, для близких, для жизни более светлой и разумной, чем братоубийство на войне” [18, 3].

В разгар русско-японской войны авторы “Свободного слова” смело утверждали ценность человеческой жизни и ничтожность тех вещей, за которые она отдается: “Ведь жизнь не игрушка, не праздная забава, которую можно бросать из-за всяких пустяков. Прежде чем отдавать ее за отечество, надо подумать о том, что такое отечество и действительно ли нужно отечеству, чтобы русские люди убивали своих братьев, или сами погибали под их ударами” [18, 3]⁶.

Индикаторами настроений в русском обществе, вызванных русско-японской войной, служили письма из России, показывающие, что взгляд на войну меняется, что люди начинают трезво смотреть на события. Человек, которого везли в ссылку через всю Россию, сообщал в письме 1904 года, что в народе “почти общее осуждение и выраженное мнение, что война эта делается для богачей” [18, 31]. Из Олонецкой губернии писали: “У каждого назойливо является и не дает покоя вопрос: зачем, по какой причине эта война и для кого и чего он должен бросить на произвол судьбы жену, детей, свой каторжным трудом созданный очаг?” [20, 29].

В письме от 18 июня 1904 года, озаглавленном “Свободным словом” “Отголоски войны”, повествовалось о беззастенчивом вымогательстве земскими начальниками денег у волжских кре-

⁶ Созвучно этим положениям “Свободного слова” выступление современного публициста Эд.Поляновского, который на страницах “Известий” рассказал правду о подвиге Гастелло в самом начале Великой Отечественной войны. Он писал: “Смушает пафос, патетика, когда речь идет о массовой гибели, пусть и героической. Массовость подтверждает лишь то, что закрывались не только вражеские амбразуры, но и собственные прорехи. Отечество стояло на массовой народной жертвенности. Военно-политическая пропаганда напрямую звала не столько на подвиг, сколько на самопожертвование: “Несшая своей жизни!”, “За Родину, за Сталина!” См.: Поляновский Э. Два капитана (Горькая правда о Гастелло, гастелловцах и о многом другом) / Э.Поляновский // Известия. - 29 января 1997 года. - С.5.

стыян на военные нужды: “собираются копейки, даже куриные яйца” [19, 6]. Описывая, как с парохода, везущего запасных низших чинов на войну, бросился в воду и утонул солдат — татарин из Мензелинского уезда Уфимской губернии, автор письма утверждал: “Что пишут в газетах о подъеме патриотического чувства и духе войска — чистейший вздор” [19, 6]. Житель Рязани писал в 1904 году о том, как, желая поднять дух запасных солдат, воинский начальник прочитал перед строем вымышленную телеграмму о небывалой победе русских. Автор подчеркивал, что даже такие ухищрения не убеждают крестьян и рабочих в необходимости войны, они понимают ее ненужность. “Если в солдатах мало патриотизма, то еще меньше его в высшем начальстве, несмотря на все торжественные и великолепные речи, — утверждал автор. — Хищения в Красном кресте достигают угрожающих размеров” [19, 6].

Авторам “Свободного слова” важно показать, что война кроме человеческих жертв и разрушений приносит еще и одичание людей, разобщает и развращает их. В самом начале русско-японской войны Чертков в статье “О задачах нашего журнала” предсказывал: “Только что открывшаяся безумная война внесет много притупляющего и озверяющего в народную душу” [16, 31].

Об ужасном влиянии войны на человека рассказывал очерк “На войну! (Записки призывного, летом 1904 года)”, опубликованный в нескольких номерах журнала (№ № 15, 16, 17/18). Анонимный автор психологически точно передал состояние человека, которого “выдернули с корнем” из привычной атмосферы семьи, хозяйства, любимого дела и пытаются подавить в нем “присущую человеку способность рассуждать, критиковать, мыслить” [21, 7]. Он подробно описывал настроения, царящие в казарме: недоумение, подавленность военнослужащих, у которых впереди “непонятная война, а может быть и смерть” [21, 7]. И убедить солдат в том, что война необходима, не может ни царь, напутствующий их на высочайшем смотре, ни священники, благославляющие их иконой Казанской Божьей матери.

От тяжелой атмосфере, царящей в солдатских казармах, о произволе офицеров пишет также автор “Писем новобранца”. Он показывает, что война — ненормальное состояние общества и человека, когда “извращается понятие, что хорошо и что худо <...>. Тихого, скромного, трезвого человека не только не уважают, а или смеются над ним, или презирают, а какого-нибудь зверя, проявляющего дикую силу, возвеличивают” [23, 28].

Важно отметить, что в разработке принципиально важной для русского общества пробле-

мы антимилитаризма периодические издания “Свободного слова”, опираясь на многочисленные конкретные факты, создавали образ страны, сопротивляющейся насилию. На страницах периодического сборника и журналов был представлен своеобразный коллективный портрет инакомыслящей России.

Поднимаясь над узкоклассовыми, национальными позициями, обращаясь к общечеловеческим ценностям, периодические издания “Свободного слова” значительно опережали социально-этический уровень развития общества. Остались не услышанными обществом предупреждения авторов журналов о тупиковости и бесперспективности пути насилия, что подтвердил печальный опыт русской истории XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Листки Свободного слова. — 1898. — № 1.
2. Листки Свободного слова. — 1899. — № 5.
3. Листки Свободного слова. — 1899. — № 6.
4. Листки Свободного слова. — 1899. — № 17.
5. Листки Свободного слова. — 1900. — № 11.
6. Листки Свободного слова. — 1900. — № 16.
7. Листки Свободного слова. — 1900. — № 17.
8. Листки Свободного слова. — 1900. — № 18.
9. Короленко В. Г. Из ненапечатанного / о патриотизме // В. Г. Короленко // Война пером. — М., 1988. — С. 474–476.
10. Свободная мысль. — 1899. — № 5.
11. Свободное слово. — Chrischurch, 1898. — № 1.
12. Свободное слово. — 1901. — № 1.
13. Свободное слово. — 1903. — № 7.
14. Свободное слово. — 1903. — № 8.
15. Свободное слово. — 1903. — № 9.
16. Свободное слово. — 1904. — № 9.
17. Свободное слово. — 1904. — № 10.
18. Свободное слово. — 1904. — № 11.
19. Свободное слово. — 1904. — № 12.
20. Свободное слово. — 1904. — № 13.
21. Свободное слово. — 1904. — № 15.
22. Свободное слово. — 1904. — № 16.
23. Свободное слово. — 1905. — № 17/18.
24. Соловьев В. С. Народная беда и общественная помощь / В. С. Соловьев // Соч.: В 2 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 450–481.
25. Соловьев В. С. О грехах и болезнях / В. С. Соловьев // Соч.: В 2 т. — М., 1989. — Т. 2. — С. 513–530.
26. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Л. Н. Толстой. — Т. 31.
27. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Л. Н. Толстой. — Т. 39.